

Сергей Фокин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
serge.fokine@yandex.ru

Sergey Fokin

St. Petersburg state university of economics
serge.fokine@yandex.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА КАПИТАЛА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹

THE PHENOMENOLOGY OF THE SPIRIT OF CAPITAL IN THE LIFE AND WORK OF F. M. DOSTOEVSKY

Мы исходим из того, что Достоевский был одним из первых писателей Европы, который постиг непобедимый дух капитала, в смысле познал его искушения, пытался вкусить его плодов и силился с ним бороться: отсюда его юношеское увлечение утопическими социалистическими учениями и последующая отчаянная критика социализма; отсюда же его мучительный культ христианства, утопичность которого усугублялась его привязкой к русскому народу. Отсюда же — актуальность Достоевского в современном мире и опыта реконструкции его представлений о капитале. Следуя методу литературно-экономической антропологии, в этой работе мы устанавливаем, что именно внимание к духу капитала, в смысле науки преумножения богатства, открывает Достоевскому доступ к пониманию безграничной суверенности литературы, заключающейся в возможности сделать через нее ставку на безрассудную трату, на бессмыслие как условие возможности смысла. Вместе с тем в работе устанавливается, что дух капитала постоянно внушал писателю законное стремление к приобретению богатства в рамках профессиональной деятельности, заставляя автора строить разнообразные экономические прожекты, связанные с собственной литературой, но в то же самое время он сводился на нет духом анти-капитализма, обусловленным через наваждение траты архаичной стихией жертвоприношения.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18–012–9001: «Междисциплинарная рецепция творчества Ф. М. Достоевского во Франции 1968–2018 годов: филология, философия, психоанализ».

В основу этой работы, равно как последующих статей, составивших блок, подготовленный к юбилею Ф. М. Достоевского (1821–2021), были положены доклады, прочитанные авторами на IX ежегодной международной конференции «Деньги и процент: экономика и этика» (Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2021 года, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ), организованной Центром исследований экономической культуры СПбГУ (руководитель проекта Д. Е. Расков).

Ключевые слова: Достоевский, *Бедные люди*, дух капитализма, жертвоприношение, феноменология, литературно-экономическая антропология, общая экономика.

We proceed from the fact that Dostoevsky was one of the first writers in Europe who understood the invincible spirit of capital, in the sense of knowing its temptations, tried to taste its fruits and tried to fight it: hence his youthful fascination with utopian socialist teachings and subsequent desperate critic of socialism; hence his tormenting cult of Christianity, the utopianism of which was aggravated by his attachment to the Russian people. Hence the relevance of Dostoevsky in the modern world and the experience of reconstructing his ideas about capital. Following the method of literary-economic anthropology, in this work we establish that it is precisely attention to the spirit of capital, in the sense of the science of multiplying wealth, that gives Dostoevsky access to an understanding of the boundless sovereignty of literature, which consists in the possibility of betting through it on reckless spending, on nonsense as a condition for the possibility of sense. At the same time, the work establishes that the spirit of capital constantly inspired the writer with a legitimate desire to acquire wealth within the framework of his professional activity, forcing the author to build a variety of economic projects related to his own literature, but at the same time it was always negated by the spirit of anti-capitalism, conditioned through the obsession of spending by the archaic element of sacrifice.

Key words: Dostoevsky, *Poor Folk*, the spirit of capitalism, sacrifice, phenomenology, literary-economic anthropology, general economics.

Введение

В основе этого этюда, который представляет собой, с одной стороны, введение в рассуждение о методе литературно-экономической антропологии, тогда как с другой — опыт приложения этого метода к грандиозному литературному предприятию Ф. М. Достоевского (1821–1881), лежат три разнородных источника. Во-первых, речь идет о концепции литературы как мимезиса, представленной в ряде работ В. А. Подороги (1946–2020), в частности, в монографии *Рождение двойника*, посвященной исследованию или, точнее, конструированию «логики психомимезиса» в творчестве Достоевского (Подорога 2006; 2019). В этой связи заметим сразу, что наш главный полемический тезис заключается в том, что всякое рассмотрение поэзиса романа Достоевского — богословское, идеологическое, поэтологическое, филологическое, философское не может считаться достаточным, если в нем не учитывается такая стихия литературно-общественной жизни XIX века, как дух капитализма. Вот почему резкое неприятие в работе Подороги вызывает такой пассаж: «Достоевский не видел в деньгах экономического инструмента жизни и не стремился ни к обогащению, ни к экономии, ибо не принимал во внимание социальное значение денег» (Подорога 2019: 141).

Второй источник данного наброска находится в важной и спорной книге итальянского литературоведа Гуидо Карпи, главный интерес которой заключается в попытке выделить экономику как самостоятельный элемент творческого опыта русского писателя и где, в частности,

энергично акцентируется одна из основополагающих связей экономики России, существования Достоевского и поэтики его романов: «Связь между темой денег и темой насилия (как и некоторые другие особенности поэтики Достоевского: цепь «эмблематических испытаний», превращение реальности в фантазмагорию символов-фетишей и т. д.) объяснима лишь на фоне анализа наиболее характерных черт общественно-экономического развития России...» (Карпи 2012: 14). Тем не менее, сам метод социологии литературы, которому пытается следовать итальянский литературовед, не выдерживает критики в силу невероятного эклектизма: Грамши, Пазолини, Шапиро... Не будет большого преувеличения, если мы скажем, что работа *Достоевский-экономист* выстраивается на основе весьма расплывчатого представления автора об экономике, где, в частности, совершенно не принимается в расчет религиозный характер капиталистической экономики, который, как мы увидим, в сознании русского писателя вступает в активный спор с христианством.

Наконец, в формировании замысла этой работы сыграла определенную роль книга современных французских социологов-экономистов Люка Болтански и Арно Эскера *Обогащение. Критика товара* (2021), в которой для нашей концепции наиболее важна глава XIV «Креаторы в экономике обогащения» и особенно раздел «Продажа себя как креатора», где, в частности, делается упор на необходимости торговать собой, образующей «естественную» стихию работника сферы культуры (креатора, творца) в капиталистическом обществе: «Креатор, чтобы преуспеть или не быть исключенным, должен — как говорится — сделать себе имя, то есть оправдать свои притязания на денежную прибыль, придавая ценность своему имени собственному, которое играет роль торгового знака и в качестве такового может быть закреплено юридически» (Болтански, Эскер 2021: 485). Как нам предстоит увидеть, Достоевский был заморожен своим литературным именем, рассматривая его как «единственный капитал», которым он может обладать неотчуждаемо, в то время как прочие формы интеллектуальной собственности, связанные с литературным трудом, обладают скорее эфемерным характером, превращая его как автора в «писателя-пролетария». Несмотря на то, что книга французских социологов-экономистов описывает новейшие трансформации капитализма, сама возможность применения концептуального аппарата этого исследования в анализе личности и творчества писателя XIX века, показывает, по меньшей мере, некую перманентность самой капиталистической системы, которая, как мы прекрасно, помним, способна, подобно птице Феникс, возрождаться из собственного праха, превратив гибель, крах, кризис в движущую силу социально-экономической эволюции.

В этой связи достаточно будет напомнить о необычайной в истории идей встрече двух концепций капиталистической экономики, которые,

будучи абсолютно разнородными, парадоксальным образом подтвердили религиозный характер капитализма и, в частности, его фантазмагорическую способность к «вечному возвращению»: речь идет о работе выдающегося русского экономиста Н. Д. Кондратьева (1892–1938) *Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны* (1922) и гениальном фрагменте немецкоязычного мыслителя В. Беньямина (1892–1940) «Капитализм как религия» (1921). Как уже было сказано Кондратьев и Беньямин ни сном, ни духом не ведали друг о друге, но тем замечательнее предстает это воистину сюрреалистическое совпадение двух интеллектуальных концепций, в которых утверждался религиозная структура капитализма. Справедливости ради уточним, что в работе Кондратьева нет даже намека на то, что капитализм представляет собой религиозно обусловленную формацию, однако задним числом в этой завораживающей картине цикличного и бесконечного развития капитализма из его взлетов и падений, которая вырисовывалась в работе русского экономиста, невозможно не увидеть аналогии с тем «вечным возвращением» того же самого, которое несколькими десятилетиями ранее представил в своих трудах Ф. Ницше (1844–1900). Действительно, в книге Кондратьева экономика предстала не просто как повивальная бабка человеческой истории, а как воистину вселенский демиург, стоящий буквально за всеми наиболее значительными политическими событиями и человеческими деяниями. Словом, там, где люди хотели видеть, прежде всего, себя, свои страсти, свои поступки, свои хотения и свой произвол, русский экономист разглядел победоносное шествие духа капитала: «Войны и революции <...> не могут не иметь весьма глубокого влияния на ход хозяйственного развития. Но войны и революции не падают с неба и не рождаются по произволу отдельных лиц. Они возникают на почве реальных, и прежде всего экономических, условий <...> Таким образом, и войны, и социальные потрясения включаются в ритмический процесс развития больших циклов и оказываются не исходными силами этого развития, а формой его проявления» (Кондратьев 1922).

Но если Кондратьев, по-видимому, сам того вполне не понимая, делал акцент на бессмертии капитализма как хозяйственного уклада, который, подобно мифологической птице Феникс, всенепременно возрождается из собственного пепла и собственных руин, то Беньямин остро почувствовал именно психологическую структуру капиталистического человека, который, повинувшись логике поиска бессмертия, соответствующей кругообразно поступательному развитию капитализма, все время тщится быть или, по меньшей мере, казаться сверхчеловеком и изводит себя виной за неспособность быть просто человеком (Фокин 2015).

Таким образом, капитализм не есть просто экономическая формация, отличающаяся набором классических характеристик (классовая структура, рынок, свобода предпринимательства, частная собственность, эксплуатация и т. п.); капитализм сегодня — это то, что нас всех

связывает, в двух смыслах этого глагола: как то, что нас сегодня объединяет, но и как то, что нас сегодня ограничивает, держит на привязи, в несвободе. Именно на том основании, что экономическое вплетается сегодня в саму ткань бытия, наматывается на все нити социального существования, проникает во все поры, щели и изгибы индивидуальной жизни, капитализм притязает на ту роль, которую прежде занимала религия.

Достоевский был одним из первых писателей Европы, который постиг непобедимый дух капитала, в смысле познал его искушения, пытался вкушать его плоды и силился с ним бороться: отсюда его юношеское увлечение утопическими социалистическими учениями и последующая отчаянная критика социализма; отсюда же его мучительный культ христианства, утопичность которого усугублялась его привязкой к русскому народу: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» (Достоевский 1984: 19). Отсюда же — актуальность Достоевского в современном мире и опыта реконструкции его представлений о капитале.

Рассуждение о методе литературно-экономической антропологии

Не приходится сомневаться в том, что экономическая проблематика обретается в самом сердце литературного опыта Достоевского, чье творческое становление происходило в рамках широкомасштабного социально-экономического процесса, который можно в целом охарактеризовать понятием, вынесенным в название небольшой книги *Развитие капитализма в России* (1899), принадлежавшей перу В. И. Ленина (1870–1924), одного из самых острых аналитиков российской действительности XIX века. Нельзя, разумеется, положительно утверждать, что Достоевский и Ленин описывали одну и ту же человеческую реальность; тем не менее не приходится сомневаться, что в книге «Развитие капитализма в России» была представлена захватывающая научная картина радикальных трансформаций той самой социальной среды, в которой жил и творил русский писатель, создавая коллизии, персонажей, ситуации, которые выражали динамику капитала в его созидательном, равно как в деструктивном аспектах. Словом, если Ленин усматривал в «пролетаризации крестьянства» одну из главенствующих тенденций развития капитализма в России, то литературный опыт Достоевского выражал, среди прочих социально-психологических трансформаций русского общества, «пролетаризацию» образованной России.

Если прибегнуть к рабочей генерализации, то можно сказать, что речь идет о превращении писателя-аристократа пушкинской эпохи, оста-

вавшегося, несмотря ни на что, носителем высоких, прекраснородушных идей, в «писателя-пролетария», сознающего, что он вынужден каждодневно продавать себя, что должен работать, прежде всего, именно за деньги, каковые, как в отчаянной нехватке, так и в чаемом избытке, суть необходимое условие его профессионального существования, выступая реальным, земным эквивалентом тех высших ценностей, которые он ищет и утверждает в своих произведениях. В отличие от писателя-аристократа, искавшего себе подобного в боговдохновенном пророке, что жжет сердца людей призывом возвыситься, «писателя-пролетария» все время изводит гораздо более приземленный двойник, неразборчивый в средствах люмпен-интеллектуал, все время искушаемый желанием призвать человека пасть, опуститься на дно, забиться в подполье, отойти в угол. От люмпен-интеллектуала только шаг до «писателя-нигилиста», остро сознающего, что Зло столь же человечно, как и Добро. Разумеется, в этой типологии не учитывается множество конкретных писательских позиций, которыми отличается полихромная картина русской литературы 40–60-х годов, но для нас важно, что творческое сознание Достоевского не было чуждым ни одному из этих типов. Словом, когда писатель-аристократ Тургенев называл Достоевского «русским маркизом де Садом», было, наверное, в этом злоречии что-то такое, что мог уловить в образе литературного соперника-современника только такой пережиток дворянского прошлого России, каким казался современникам автор *Дыма* (1867) (Подорога 2019: 179–183; Кузнецов 1995).

Таким образом, нам важно сознавать, что романы Достоевского создавались не только под знаком определенных литературных, религиозных или философских констант, но и под гнетом капитала, как в абстрактном, так и в материальном его измерениях. Итак, повторим еще раз, что наш *полемический* тезис заключается в том, что всякое рассмотрение литературного происхождения, или поэзиса, романов Достоевского — богословское, политологическое, филологическое или философское — не может считаться достаточным, если в нем так или иначе не учитывается такая стихия литературно-общественной жизни XIX века, как *дух капитала*.

Вместе с тем, можно утверждать и обратное: подобно тому, как не вызывают ни тени сомнения такие подходы к изучению творчества писателя, в которых во главу угла ставится богословие, политология, филология или философия, иногда в более или менее чистом виде, чаще в смешанных вариантах, можно и должно разрабатывать такое направление литературоведческих исследований, где в центре критического рассмотрения будет собственно экономика как уклад современного хозяйства, работающий как в окружающей действительности, так и в сознании писателя. И подобно тому, как богословие, политология, филология или философия, обращенные на литературу, подразумевают так или иначе определенный метод, направленный на соответствующий предмет

познания — божественное, политическое, словесное, умозрительное, в разделенности или, чаще всего, в смешении терминов — экономика, запечатленная в литературе, требует собственной методологии, которую можно было бы обозначить, учитывая двойственность предмета познания — авторское воображение и социально-экономическая действительность, воплощенные в литературе — как *литературно-экономическая антропология* (Фокин, Уракова 2019).

Литературно-экономическую антропологию мы определяем, соединяя два разнородных подхода: с одной стороны, напомним, речь идет об *аналитической антропологии литературы*, как она была обоснована и представлена в трудах Подороги, тогда как с другой — об *экономической антропологии*, основные идеи которой были изложены социологом П. Бурдые (1930–2002) в цикле лекций в Коллеж де Франс (Бурдые 2019). Аналитическая антропология литературы подразумевает прямое рассмотрение *конструктивных сил производства*, при этом философ делает акцент на том, что фигура автора заведомо заключается в скобки: «Мы должны забыть на время, что этот роман написан “Достоевским” или “Толстым” и рассматривать “литературы” скорее как документы, архивы или коллекции, нежели как символы славы и памяти “великой русской литературы”» (Подорога 2006: 15–16). Экономическая антропология предполагает новую постановку проблем экономики, требующей «на первом этапе заменить понятие рынка понятием поля, а на втором заменить понятие homo economicus понятием экономического агента, наделенного габитусом или предрасположенностями» (Бурдые 2019: 294). Оба подхода отличаются не только тем, что претендуют на радикальную трансформацию дисциплинарной парадигмы, но и ярко выраженной тенденцией к переосмыслению роли субъекта в творческом процессе: можно было бы сказать, что Подороге не по душе живой Достоевский, автор как носитель и производитель конструктивных сил производства, отсюда отсылка к а-субъективному понятию «архива» (Подорога 2006: 16), тогда как Бурдые стремится испровергнуть фигуру homo economicus, в которой усматривает прежде всего умозрительную, сюррациональную конструкцию homo academicus: homo economicus — это своего рода супер-экономист. Иными словами, Бурдые отказывается видеть в человеке экономическом исключительно рациональную фигуру, движимую стремлением к накоплению: дух капитализма не только капитализирует, но и капитулирует, поддаваясь искушению той или иной формы траты.

Так или иначе, но капитал остается одной из движущих сил экономики, более того, капитал есть то, что соединяет экономику как данный хозяйственный уклад общества с человеком как субъектом, или действующим лицом, или духом экономической действительности. Однако дух не есть нечто бесплотное, дух есть ум, или разум, живущий жизнью тела, связанного множеством разнородных и разноплановых отноше-

ний — властных, враждебных, государственных, дружеских, культурных, профессиональных, семейных, сословных, сексуальных, религиозных, трудовых и т. п. Однако, если, условно говоря, в докапиталистическую эпоху, существование человека определялось больше внешними инстанциями власти — государства, сословия, религии и т. п. — которые, разумеется, могли быть в той или иной мере интериоризированы — то новые времена ввергли человека в стихию небывалой свободы, то есть той власти духа, что буквально свалилась на него с небес и вломилась в мозг, вылившись в то, что один из первых аналитиков неведомой прежде свободы духа назвал «разорванным сознанием».

Вспомним, что в *Феноменологии духа* (1807) истинная жизнь духа определялась в понятиях романтического трагизма: «Но не та жизнь, которая страшится смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь духа. Он достигает своей истины, только обретая себя самого в абсолютной разорванности» (Гегель 2000: 23). Гегелю и в голову не могло прийти, что жизнь духа не только может обратиться просто определенным образом мысли, складом мышления, но будет ограничена поиском экономической выгоды. Действительно, для М. Вебера (1864–1920) дух есть не что иное, как «характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли *в рамках своей профессии*» (Вебер 1990: 34). Согласно экономической социологии, в основе истинного духа капитализма — религиозный аскетизм и философский рационализм. Как уже указывалось, концепцию Вебера гениально дополнил Беньямин, показав во фрагменте «Капитализм как религия», что в духе капитала, несмотря на его приземленность, продолжает работать структура религиозного культа, где пересекаются понятия вины и искупления, долга и жертвоприношения, сталкиваются силы созидания и разрушения, по-своему работает диалектика господина и раба (Фокин 2015).

Между Гегелем и Бенямином лежит девятнадцатый век — эпоха Достоевского и *Развития капитализма в России*, время первых русских экономистов и первых русских террористов, «бедных людей» и «купцов-миллионщиков», inferнальных содержанок и бесов в человеческом обличье. Таким образом, следуя методу *экономической антропологии литературы*, мы должны сосредоточиться, с одной стороны, на генезисе человека капиталистического в фигуре писателя Достоевского, тогда как с другой — на либидинальном начале капитализма, как оно вошло в плоть и кровь персонажей, коллизий, ситуаций, из которых складывались тексты писателя. Сказанное не значит, что мы вообще не признаем за капитализмом рациональности, напротив, мы оставляем ее в ведении профессиональных экономистов, но предмет литературно-экономической антропологии — не homo economicus, но homo libidinosus, существующий и работающий в рамках литературы и экономики, в том числе литературы как экономики и экономики как литературы.

Итак, если вспомнить здесь первый вопрос филологии «Кто говорит?» и повернуть его к языку духа капитала, ответ должен быть прямым: в капитале всегда говорит «сверхчеловек». Для подтверждения этого тезиса сошлемся на признание такого выдающегося знатока принципов капитализма, как венгерский экономист Я. Корнаи: согласно его видению мотивационного механизма капитализма, предприниматель всегда хочет власти «ради увеличения власти»: «Мы будем больше и сильнее всех!» (Корнаи, 2012: 123). Другими словами, уже упоминавшееся положение, что экономика в наши дни нечто большее, чем определенный уклад хозяйства, обусловлено принципиальной и чисто религиозной устремленностью капитализма к чему-то превосходящему само сущее, наличное бытие. Собственно говоря, эта трансцендентная устремленность капитализма первоклассно передается классическим понятием прибавочной стоимости, или сверхценности, являющей в этом смысле высшим регулятивным принципом сугубо имманентной хозяйственной деятельности. Если вспомнить Беньямина, то буквально в первой фразе своего текста он схватывает функциональное подобие капитализма и религии: «В капитализме можно увидеть некую религию, что означает — капитализм в своей сущности служит для освобождения от забот, мучений, беспокойства, на которые прежде давали ответ так называемые религии» (Беньямин, 2012: 100).

Достоевский как писатель-капиталист и ...сюркапиталист

С нашей точки зрения, работу логики капитала в сознании Достоевского лучше всего иллюстрирует знаменитая декларация, сделанная в сердцах в письме к Н. Н. Страхову, написанном из Рима 18 сентября 1863 года: «Пусть знает Боборькин, так же как это знают “Современник” и “Отечественные записки”, что я еще (кроме “Бедных людей”) во всю жизнь мою ни разу не продавал сочинений, не брав вперед деньги. Я литератор-пролетарий, и если кто захочет моей работы, то должен меня вперед обеспечить. Порядок этот я сам проклинаю. Но так завелось и, кажется, никогда не выведется» (Достоевский 1985: 50). Следует уточнить, что автобиографическая формула «литератор-пролетарий» представляет нам железную логику капитала в перевернутом виде: каждый капиталист, если он действительно следует логике капитала, все время рискует оказаться на дне, *буквально без гроша*, как описывает Достоевский свое положение в Риме в том же письме. Иными словами, дух капитала определяется не только целеустремленной волей к обогащению, то есть волей к власти, которую обеспечивает капитал, но и более или менее осознанным побуждением к трате, к потере, к разрушению богатства, вплоть до самой личности предпринимателя.

Итак, в центре нашего внимания дух капитала, как он работает в сознании и поэтике Достоевского. В этой связи можно напомнить, что

в романах Достоевского дух капитала не просто витал, не просто витийствовал, что характеризует, например, едва ли не самого душного из особо духовных персонажей писателя с говорящей фамилией Смердяков, а активно животворил, как и положено от века веков истинному духу: буква убивает, а дух животворит. Но писатель работает именно с буквой: именно буква, или письмо, представляет собой негативную силу литературы, когда последней достает мужества не беречь себя и не страшиться смерти, обретая истинную жизнь духа в абсолютной разорванности. В этой связи можно заметить, что если дух капитала изнутри изводил сознание писателя, то тема капитала активно заявляла себя в его текстах, не скажем, что по образу и подобию идиом Священного писания, скорее в виде своего рода крылатых выражений, схватывающих на лету и передающих в непосредственной ясности новые скрижали повседневной библии писателя-капиталиста.

Чтобы не быть голословным, сошлемся на тезисы доклада Н. Тарасовой, руководителя группы по изучению творчества Достоевского в Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом). В работе под названием «Тема капитала в романном творчестве и публицистике Ф. М. Достоевского: текстологический и историософский аспекты» исследовательница энергично утверждает: «Слово “капитал” встречается в текстах Достоевского уже начиная с 1840-х годов, то есть с первых его произведений, как в прямом, так и в переносном значениях: 1) капитал как материальные ценности, являющиеся основой финансовой деятельности, 2) капитал как нематериальная ценность, достижение интеллектуально-духовное». И далее: «В более позднем творчестве Достоевского, в том числе в романах, обнаруживается взаимодействие указанных значений по принципу противопоставления материального и духовного. В художественном творчестве тема капитала связана с образами героев поздних “идеологических” романов писателя. Имя литературных предвестников (например, “Скупой рыцарь” Пушкина) и будучи заявленной уже в ранних произведениях Достоевского, тема капитала получает развитие в “Преступлении и наказании” (1866) в образе Раскольникова, в “Идиоте” (1868) в образах Птицына, Гани Иволгина, Рогожина, в “Подорожке” (1875) в образе Аркадия Долгорукого, обосновывающего “ротшильдовскую” идею накопления капитала как способ обрести власть и “уединенное и спокойное сознание силы”» (Тарасова 2020: 133–134). Словом, целый ряд ключевых персонажей Достоевского, равно как сам писатель, живут и творят духом капитала. Таким образом, необходимо твердо настаивать, в противоположность умозрительной концепции мимезиса Подороги, на том, что «реалистический» роман Достоевского является романом экономическим по преимуществу, поскольку предстает «робинзонадой» человека капиталистического, устраивающего жизнь по своему разумению в джунглях капиталистического города, где царит воля к власти, помноженная на волю к богатству, где «тварь дрожащая»

грезит из гнусного подполья идеалом сверхчеловека. Важно не забывать также, что с самых первых творческих опытов Достоевский воспринимает литературу как инструмент личного обогащения. Даже в Сибири он одержим мыслью нажить капитал: «Конечно, я буду изыскивать все средства и зарабатывать деньги. Для этого превосходно было бы, если б мне позволили печатать. Кроме того, здесь в Сибири с очень маленьким капиталом (ничтожным) можно делать хорошие и верные спекуляции. Если б я здесь в Семипалатинске имел только 300 руб. сер<ебром> лишних, то я на эти 300 нажил бы в год непременно еще 300; край новый и любопытный» (Достоевский 1985: 203).

Чтобы чуть рельефнее очертить портрет Достоевского — писателя-капиталиста, напомним несколько первых вех на его литературном пути.

Как известно, приступ к большой литературе Достоевский решил предпринять не только под благодатной сенью убежденности в собственном литературном даровании, но и под знаком гнетущего безденежья, отягченного постоянными долгами: в этом отношении мы не сильно погрешим против истины, если скажем, что в определенный момент писательство представилось молодому инженер-поручику Петербургской Инженерной команды бесприоритетным капиталистическим начинанием, способным обеспечить его существование в исполненной соблазнами столице: «И с французского переводчик может быть с хлебом в Петербурге; да еще с каким; я на себе испытываю (перевожу Жорж Занд и беру 25 руб. ассигнациями за печатный лист» (Достоевский 1985: 88). Соблазняя брата Михаила невероятными барышами, которые может доставить литературный перевод в Петербурге 40-х годов, начинающий литератор мыслит это творческое занятие не иначе, как в виде экономического предприятия: «Паттон, я и, ежели хочешь, ты, соединяем труд, деньги и усилия для исполнения предприятия и издаем перевод к святой неделе. Предприятие держится нами в тайне...» (Достоевский 1985: 83). Рассуждения молодого Достоевского о литературном переводе, которые встречаются в письмах этого времени, отличаются не столько эстетической стороной (редкие оценки такого рода свидетельствуют скорее о формировании самой способности эстетического суждения), сколько разнообразными финансовыми выкладками: денежные суммы, ставки гонораров, условия контрактов с книгопродавцами, которые все сплошь «собаки». И над всей этой цифирной сценографией витает обыкновенная мечта начинающего капиталиста: преуспеть и тогда даже о переводах можно забыть. Именно в ореоле духа капитала предстает отзыв молодого Достоевского о своем литературном дебюте, переводе романа *Евгения Гранде* Бальзака: «Я теперь без денег. Нужно тебе знать, что на праздниках я перевел “Eugenie Grandet” Бальзака (чудо, чудо!). Перевод бесподобный. — Самое крайнее мне дадут за него 350 руб. ассигнациями. Я имею ревностное желание продать его, но у будущего тысячника нет денег переписать, времени тоже. Ради ангелов небесных, пришли 35 руб.

ассигнациями» (Достоевский 1985: 86). О переводе Достоевским романа Бальзака написано множество работ, как добротных, так и конъюнктурных, однако мало кто из исследователей обращал надлежащее внимание на то, что литературный дебют инженера-поручика Петербургской Инженерной команды явился, прежде всего, коммерческим начинанием, призванным обеспечить как хлеб насущный, так и жизненную независимость начинающего писателя, утверждавшегося в своем призвании.

Вместе с тем в суждении Достоевского о своем литературном пошине запечатлелся ряд социально-психологических мотивов, которые отныне и впредь будут обуславливать его отношение к литературе: во-первых, безденежье образует своего рода стартовую площадку литературного начинания, некий начальный *а-капитал*; во-вторых, собственно трудовая повинность — государственная служба — также оказывается обстоятельством непреодолимой силы, препятствующим литературе, которая требует праздности, состояния незанятости, когда в литературное производство включается *бездеятельная негативность* пишущего; в-третьих, ощущение творческой удачи (ай, да Достоевский!) диктует не столько романтическое воспарение «прекрасной души», сколько приземленное и просто вынужденное стремление *продать подороже* чудесное творение; в-четвертых, последнее почти всегда остается незавершенным, всегда только грядущей книгой, по той простой причине, что на завершение никогда не хватает *ни времени, ни денег*; в-пятых, это *ни-ни* вынуждает писателя, перебивающегося продажами творений, жить в долг, загоняя себя в порочный круг литературного производства, где нет места свободе. Именно эта поточная система капиталистической литературы обуславливает потребность вырваться из цепей производственных необходимостей и пуститься во все тяжкие — тратить и заработанное, и незаработанное. Если вспомнить, что Достоевский как в молодости, так и в зрелые годы был необычайно расположен к денежным тратам, следует полагать, что в самой структуре личности писателя капиталистическое начало конкурировало со стихийной антикапиталистической интуицией. Можно было бы даже сказать, что Достоевский-антикапиталист выдавливал из себя писателя-капиталиста, который, тем не менее, сохранял за собой творческую инициативу, следуя представленным выше установкам. Иными словами, уже в этой первой сцене писательского самоутверждения Достоевский предстает своего рода *сюркапиталистом*: страсть к капиталу, которая сказывается, в частности, в настоящем наваждении цифрами, точными финансовыми выкладками, какими-то заветными денежными суммами, призванными всепременно обеспечить если не будущность, то насущный хлеб, уживается в нем со страстью к безудержной трате, к прожиганию жизни, к ставке на злоупотребление собой и своим состоянием. Как это ни парадоксально, но следует думать, что именно внимание к духу капитала, в смысле науки преумножения богатства, открывает Достоевскому доступ к по-

ниманию безграничной суверенности литературы, заключающейся в возможности сделать через нее ставку на безрассудную трату, на бессмыслие как условие возможности смысла. Если вспомнить здесь концепцию *общей экономики*, представленную Ж. Деррида (1930–2003) в эпохальной работе о Ж. Батае (1897–1962), то можно сказать, что сознание русского писателя-пролетария, принужденного работать в рамках капитализма, то есть экономики, нацеленной на производство богатства, в силу радикальной отчужденности от последнего, само собой открывается пространству экономики общей: «Общая экономика в первую очередь делает очевидным факт производства неких излишков энергии, которые по определению не могут быть использованы. Избыточная энергия может быть лишь потеряна без малейшей цели и, следовательно, без всякого смысла. Именно эта бесполезная, безумная трата и есть суверенность» (Деррида 2001: 343). Дух капитала, изводя сознание Достоевского, постоянно внушая писателю законное стремление к приобретению богатства в рамках профессиональной деятельности, заставляя автора строить разнообразные экономические прожекты, связанные с собственной литературой, все время сводился на нет духом анти-капитализма, обусловленным через наваждение траты архаичной стихией жертвоприношения. Безрассудное отношение к деньгам, которое отличает как писателя-Достоевского, так и ключевых его персонажей, не сводится ни к романтическому аристократизму, ни к позитивистскому патологизму: в нем говорит архаичная религиозная структура, где накопление компенсируется тратой, смысл бессмыслием, унижение вознесением.

В сущности это амбивалентное отношение к литературе — как экономическому предприятию и утверждению самовластия автора — сказалось в следующем этапном эпизоде писательского пути Достоевского. Речь идет об эпистолярной пикировке начинающего литератора с П. А. Карепиным (1796–1850), мужем сестры Варвары, который после смерти родителей малолетних Достоевских был назначен опекуном осиротевшего семейства. Надворный советник (подполковник), необыкновенно предприимчивый государственный чиновник, служивший по двум ведомствам сразу, входивший в состав разнообразных попечительских советов, он был к тому же главноуправляющим всех имений князей Голицыных, получая от этой частной службы свой самый большой доход. В глазах ближайшего окружения Карепин оставался добропорядочным, чистосердечным человеком, подходившим к обязанностям опекуна с той же основательностью и с той же ответственностью, с которыми, по-видимому, исполнял и прочие свои обязанности, отчего и пользовался репутацией «евангельски доброго человека». Во всех подробностях взаимоотношения молодого Достоевского и Карепина освещены в замечательном предисловии К. А. Баршта к публикации «Письма П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.», где воссоздан этот первый акт публичного самоутверждения Достоевского в литературном

призвании (Баршт 2019а: 339–352). В контексте нашей темы важно лишь сделать акцент на том, что выбор в пользу литературы, который оставляет начинающий писатель перед лицом увещаний многомудрого опекуна, пытающегося удержать воспитанника на проторенной стезе офицерской службы, вновь оказывается связанным с нехваткой денег, а главное — со стремлением начинающего писателя порвать с трудовой повинностью и добиться права на праздность, на это состояние безработной негативности, исходя из которого он предпринимает свое литературное творение. Сам Достоевский определяет это состояние через скорее романтическое выражение «адские обстоятельства», мотивируя свое решение в письме к брату от 30 сентября 1844 года, без лишних околичностей, надуманных причин и слишком литературного драматизма, которыми изобилуют письма к Карепину: «Подал я в отставку, оттого что подал, то есть, клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром. Дело в том, наконец, что я никогда не хотел служить долго, следовательно, зачем терять лучшие годы? А наконец главное: меня хотели командировать — ну, скажи, пожалуйста, чтобы я стал делать без Петербурга» (Достоевский 1985: 100). «Подал я в отставку, оттого что подал»: объяснение, которое приводит начинающий литератор, находится на грани рациональности и каприза, то есть утверждения безрассудного своеволия, что обретается исключительно в стихии времени, которое не следует терять даром — то есть тратить на прилично оплачиваемую службу. Литература требует времени, всего времени, только в такой ситуации, когда литература располагает всем временем писателя, она обращается ставкой, преобразуя последнего в игрока, который рискует всем — временем — чтобы выиграть время, то есть деньги. Литература, подобно капиталу, связана с риском. Молодой Достоевский делает выбор в пользу риска, вырывая себя с корнями из более или менее твердой почвы того присутственного поприща, где оставляет подвизаться на тридцать лет Макара Девушкина в романе *Бедные люди*, который он начинает сочинять в ходе споров с Карепиным. Как точно подмечает К. А. Баршт: «Эти тридцать лет службы (наиболее распространенный по разным ведомствам срок выхода на пенсию государственных служащих) погубили жизнь Макара Девушкина, человека с большим литературным талантом, растоптанным многолетним переписыванием бумаг» (Баршт 2019: 348). Давая своему персонажу имя «Девушкин», Достоевский утверждает себя в стихии действительно мужественного, рискованного выбора, подразумевающего, прежде всего, неприятие опеки другого мужчины, если не отца, то его заместителя, которым выступает Карепин, но также опеки всякого рода начальства, от которого будет зависеть карьера молодого офицера Чертежной команды, не имеющего ни связей, ни состояния. Этот выбор подразумевал также стихию абсолютного одиночества, хотя бы даже с репутацией «мота, забулдыги, лентяя». «Теперь я отделен от вас от всех, — пишет он

брату, — со стороны всего *общего*; остались те пути, которые покрепче всего, что ни есть на свете, и движимого, и недвижимого. А что я ни делаю из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоприятный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду» (Достоевский 1985: 104). Вместе с тем, выбор в пользу литературы, каковая, судя по всему, и заключает в себе «пути, которые покрепче всего», ни на миг не утрачивает связи со ставкой на приобретение очередного стартового капитала, с шаткой надеждой продать только еще грядущее творение: «У меня есть надежда. Я кончаю *роман* в объеме “Eugenie Grandet”. Роман довольно оригинальный. Я его уже переписываю, к 14-му я наверно уже и ответ получу за него. Отдам в “Отечественные записки”. (Я моей работой доволен). Получу, может быть, рублей 400 <...> Я чрезвычайно доволен романом моим. Не нарадуюсь. С него-то деньги наверно получу» (Достоевский 1985: 100). До завершения *Бедных людей* остается еще несколько месяцев, Достоевский, подобно, своему персонажу, разрывается между пустопорожным переписыванием, уничтожающим творческое призвание, и творением с сознанием силы литературы, способной переменить казалось бы неодолимую участь — остаться «маленьким человеком». Об автобиографичности образа Девушкина написано много, наиболее убедительно в работах К. А. Баршта (Баршт 2019 б: 8–37). Тем не менее, приходится заметить, что литературоведы не всегда обращают должное внимание на то обстоятельство, что автор, в отличие от своего персонажа, не мог позволить себе быть бессребреником. Молодой Достоевский движим идеей если не разбогатеть, то хотя бы встать на ноги посредством литературы. В отличие от Девушкина, влачившего жалкое существование в присутствии, для Достоевского, в совершенном согласии с формулой Вебера, «характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии». Вместе с тем, если жалкий переписчик остается альтер-эго автора в смысле рабского подчинения диктату капитала, то Карепин, чертами которого Достоевский наделяет помещика Быкова в *Бедных людях* (Баршт 2019б: 347), воплощавшего позитивную мораль эпохи капитализма («романы губят молодых девушек, <...> книги только нравственность портят»), предстает в сознании начинающего писателя носителем тех незыблемых ценностей, против которых он направляет антикапиталистическую негативность своей литературы: «Карепин водку пьет, чин имеет и в бога верит» (Достоевский 1985: 101). Благоприобретенной, твердой вере предприимчивого капиталиста, совмещающего чиновную службу государству с ревностным служением Мамоне, начинающий писатель противопоставляет веру как вызов, как мучение и провокацию, исповедание которой он доверяет литературе.

Очевидно, что молодому Достоевскому так и не удалось преуспеть в реализации капиталистической идеи в рамках литературного поля Рос-

сии середины 40-х годов: слишком мало у него было навыков — «габитусов», сказали бы современные социологи — общением с издателями, слишком непомерными были амбиции начинающего литератора, не говоря уже о нехватке или даже отсутствии систематического рационализма в стремлении к прибыли. Но он вполне верно и довольно рано осознал то, что более опытные игроки литературного поля выражали без всякого упования на высокодуховное призвание литературы: «Торговля теперь управляет нашей словесностью, и все подчинилось ее расчетам» (С. П. Шевырев. Цит. по: Баршт 2019б: 10). Разумеется, отношения молодого Достоевского с петербургскими издателями 40-х годов — отдельная и большая тема, которая, впрочем, неоднократно затрагивалась литературоведами. В этой работе нам хотелось лишь попытаться перевернуть перспективу и увидеть там, где история литературы обычно ищет столкновений амбиций, идей, страстей, почву реальных экономических условий существования словесности и, в частности, писателя Достоевского. В знаменитом письме от 1 февраля 1849, адресованном А. А. Краевскому (1810–1889), одному из самых предприимчивых издателей России своего времени, которого «бедные люди» из числа русских литераторов 40-х годов почитали за «Павла Ивановича Чичикова» от российской словесности, Достоевский вывел своего рода закон собственного литературного труда. Этому закону ему далеко не всегда удавалось следовать как в прошлом, так и в будущем, но само сознание необходимости закона стало первым итогом в постижении писателем духа капитала: «...Если есть во мне талант действительно, то уж нужно им заняться серьезно, не рисковать с ним, отделять произведения, а не ожесточать против себя своей совести и мучаться раскаянием и, наконец, щадить свое имя, то есть единственный капитал, который есть у меня» (Достоевский 1985: 148).

ЛИТЕРАТУРА

- Баршт Константин. «Письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.: исправленный текст». *Достоевский. Материалы и исследования* (22). Санкт-Петербург: Наука, 2019а: 339–357.
- Баршт Константин. *Достоевский: этимология повествования*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019б.
- Болтански Люк, Эскер Арно. *Обогащение. Критика товара* / Пер. с фр. О. Волчек; под науч. ред. С. Фокина. Москва — Санкт-Петербург: Издательство Института Гайдара, 2021.
- Бурдые Пьер. *Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993)* / [под ред. П. Шампаня, Ж. Дюваля при участии Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе]; пер. с фр. Д. Кралечкина. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Вебер Макс. *Протестантская этика и дух капитализма*. Вебер Макс. *Избранные произведения*: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл.

- П. П. Гайденко. Москва: Прогресс, 1990. URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf
- Гегель. *Феноменология духа*. Москва: Наука, 2000.
- Деррида Жак. «От частной экономики к экономике общей: безоговорочное гегельянство». Деррида Жак. *Письмо и различие*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000: 317–351.
- Достоевский Федор. *Дневник писателя. 1881. Январь*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. В 30 т. Т. 27. Ленинград: Наука, 1984: 5–40. Достоевский Федор. *Письма, 1832–1859*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Ленинград: Наука, 1985.
- Достоевский Федор. *Письма. 1860–1868*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. В 30 т. Т. 28. Кн. 2. Ленинград: Наука, 1985.
- Карпи Гуидо. *Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы*. Москва: Фаланстер, 2012.
- Кондратьев Николай. *Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда, 1922*. URL: sbiblio.com/biblio/archive/kondrat_isbr/01.aspx.
- Корнаи Янош. *Размышления о капитализме* / Пер. с венг., под ред. Д. Раскова. Москва — Санкт-Петербург: Издательство института Гайдара, 2012.
- Кузнецов Сергей. «Достоевский и Маркиз де Сад: связи и переклички». Степанян К. А. (ред.). *Достоевский и мировая культура*. Альманах № 5 / Общество Достоевского. Москва: Издательство «МАРАБУ», 1995. URL: <http://dostoevsky.rhga.ru/section/proet-contra/dostoevskiy-i-markiz-de-sad-svyazi-i-pereklichki.html>
- Подорога Валерий. *Рождение двойника. Логика психомимезиса и литература Ф. Достоевского*. Подорога Валерий. *Материалы по аналитической антропологии литературы*. Т. 1. Москва: Культурная революция, 2006: 309–631.
- Подорога Валерий. *Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского*. Москва: Панглосс, 2019.
- Тарасова Наталья. «Тема капитала в романном творчестве и публицистике Ф. М. Достоевского: текстологический и историософский аспекты». Расков Д. Е, Кадочников Д. В. (ред.). *Деньги и процент: экономика и этика: сборник тезисов IX ежегодной международной конференции центра исследований экономической культуры Санкт-Петербургского государственного университета*. Санкт-Петербург: Астерион, 2020: 133–134.
- Фокин Сергей, Уракова Александра. «Опыты литературно-экономической антропологии. От составителей». *Новое литературное обозрение* 6 (2019). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/.
- Фокин Сергей. «Капитализм как религия, или Вальтер Беньямин как переводчик Макса Вебера (к характеристике метода критического рассуждения)». *Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ*. Москва — Санкт-Петербург, 2015: 167–179.

LITERATURE

- Barsht Konstantin. «Pis'mo P. A. Karepina k F. M. Dostoevskomu ot 5 sentyabrya 1844 g.: ispravlennyy tekst». *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya* (22). Sankt-Peterburg: Nauka, 2019a: 339–357.
- Barsht Konstantin. *Dostoevskij: etimologiya povestvovaniya*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2019b.
- Boltanski Lyuk, Esker Arno. *Obogashchenie. Kritika tovara* / Per. s fr. O. Volchek; pod nauch. red. S. Fokina. Moskva — Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2021.

- Burd'e P'er. *Ekonomicheskaya antropologiya: kurs lekcij v Kollezhe de Frans (1992–1993) / [pod red. P. Shampanya, Zh. Dyuvalya pri uchastii F. Pupo, M.-K. Riv'er; poslesl. R. Buaje]; per. s fr. D. Kralechkina. Moskva: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2019.*
- Derrida Zhak. «Ot chastnoj ekonomiki k ekonomike obshchej: bezogovorochnoe gegel'yanstvo». Derrida Zhak. *Pis'mo i razlichie*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2000: 317–351.
- Dostoevskij Fedor. *Dnevnik pisatelya. 1881. Yanvar'*. Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t. T. 27. Leningrad: Nauka, 1984: 5–40. Dostoevskij Fedor. *Pis'ma, 1832–1859. Dostoevskij Fedor. Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t. T. 28. Kn. 1. Leningrad: Nauka, 1985.
- Dostoevskij Fedor. *Pis'ma. 1860–1868. Dostoevskij Fedor. Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t. T. 28. Kn. 2. Leningrad: Nauka, 1985.
- Fokin Sergej. «Kapitalizm kak religiya, ili Val'ter Ben'yamin kak perevodchik Maksa Vebera (k karakteristike metoda kriticheskogo rassuzhdeniya)». *Al'manah Centra issledovanij ekonomicheskoy kul'tury fakul'teta svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU*. Moskva — Sankt-Peterburg, 2015: 167–179.
- Fokin Sergej, Urakova Aleksandra. «Opyty literaturno-ekonomicheskoy antropologii. Ot sostavitelej». *Novoe literaturnoe obozrenie* 6 (2019). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/.
- Gegel'. *Fenomenologiya duha*. Moskva: Nauka, 2000.
- Karpi Guido. *Dostoevskij-ekonomist. Ocherki po sociologii literatury*. Moskva: Falanster, 2012.
- Kondrat'ev Nikolaj. *Mirovoe hozjajstvo i ego kon''yunktury vo vremya i posle vojny*. Vologda, 1922. URL: sbiblio.com/biblio/archive/kondrat_isbr/01.aspx.
- Kornai Yanosh. *Razmyshleniya o kapitalizme / Per. s veng., pod red. D. Raskova. Moskva — Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2012.*
- Kuznecov Sergej. «Dostoevskij i Markiz de Sad: svyazi i pereklichki». Stepanyan K. A. (red.). *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. Al'manah № 5 / Obshchestvo Dostoevskogo. Moskva: Izdatel'stvo «MARABU», 1995. URL: <http://dostoevsky.rhga.ru/section/pro-et-contra/dostoevskiy-i-markiz-de-sad-svyazi-i-pereklichki.html>
- Podoroga Valerij. *Rozhdenie dvojnika. Logika psihomezisa i literatura F. Dostoevskogo*. Podoroga Valerij. *Materialy po analiticheskoy antropologii literatury*. T. 1. Moskva: Kul'turnaya revolyuciya, 2006: 309–631.
- Podoroga Valerij. *Rozhdenie dvojnika. Plan i vremya v literature F. Dostoevskogo*. Moskva: Pangloss, 2019.
- Tarasova Natal'ya. «Tema kapitala v romannom tvorchestve i publicistikie F. M. Dostoevskogo: tekstologicheskij i istoriosofskij aspekty». Raskov D. E, Kadochnikov D. V. (red.). *Den'gi i procent: ekonomika i etika: sbornik tezisov IX ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii centra issledovanij ekonomicheskoy kul'tury Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. Sankt-Peterburg: Asterion, 2020: 133–134.
- Veber Maks. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*. Veber Maks. *Izbrannye proizvedeniya*. Per. s nem./Sost., obshch. red. i poslesl. Yu. N. Davydova; Predisl. P. P. Gajdenko. Moskva: Progress, 1990. URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf

Сергей Фокин

ФЕНОМЕНОЛОГИЈА ДУХА КАПИТАЛА
У ЖИВОТУ И СТВАРАЛАШТВУ Ф. М. ДОСТОЈЕВСКОГ

Резиме

Полазимо од чињенице да је Достојевски био један од првих европских писаца који је укротио непобедиви дух капитала, спознао његова искушења, покушао да окуси

његове плодове и ушао у борбу с њим: отуда његово младалачко усхићење утопистичким социјалистичким учењима и потоња очајничка критика социјализма; отуда и његов мучни култ хришћанства, чија се утопија продубљивала његовом везаношћу за руски народ. Отуда и актуелност Достојевског у савременом свету и покушај реконструкције његових представа о капиталу. Управљајући се методом књижевно-економске антропологије, у овом раду долазимо до закључка да је управо брига о духу капитала, као науци о умножавању богатства, омогућава Достојевском приступ разумевању неограничене независности књижевности, која се огледа у могућности да се преко ње рачуна на непромишљено траћење, на бесмисао као предуслов могућег смисла. Поред тога, у раду се долази до закључка да је дух капитала константно потпиривао у писцу законску тежњу ка стицању богатства у оквиру професионалне делатности, приморавајући га да ствара разноврзне економске пројекте, повезане са сопственом књижевношћу, који су истовремено били поништавани духом анти-капитализма, условљеним бунилом траћења архаичне стихије приношења жртве.

Кључне речи: Достојевски, *Бедни људи*, дух капитализма, приношење жртве, феноменологија, књижевно-економска антропологија, општа економија.